

На правах рукописи

Эбзеев Таулан Заурович

**Конституционно-правовой механизм разрешения коллизий актов
Европейского суда по правам человека и Конституции Российской
Федерации (доктрина Конституционного Суда России)**

Специальность: 12.00.02. – Конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Москва

2017 г.

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

Научный руководитель **Сафонов Владимир Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Официальные
оппоненты

Комарова Валентина Викторовна
Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е.Кутафина (МГЮА)»;

Стародубцева Инна Алексеевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского».

Защита состоится 14 июня 2017 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 170.003.03, созданного на базе Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» по адресу: 117418, Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69, аудитория 910.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

Диссертация и автореферат размещены на официальном сайте Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» по адресу: <http://www.rgup.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Е.В. Мигачева

I. Общая характеристика диссертационной работы

Актуальность темы исследования

Гомогенизация конституционного правопорядка России, т.е. его развитие в направлении восприятия, утверждения и защиты общеевропейских или всемирных регулятивных стандартов, содержит в себе потенциальную угрозу суверенитету Российского государства и отказа от национальных, культурных и правовых традиций. Данная угроза обретает вполне осязаемый характер в результате распространенной в отечественной юриспруденции неадекватной интерпретации находящихся в системной взаимосвязи положений ст.ст. 15 (ч. 4) (о природе общепризнанных принципов и норм международного права и приоритете в применении правил международного договора в случае противоречия между ним и законом), 46 (ч. 2) (о праве каждого в соответствии с международным договором Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека) и особенно ст. 79 Конституции, предусматривающей возможность передачи Российской Федерацией части своих полномочий межгосударственным объединениям.

Этим обусловлена актуализация коллизионной проблематики, особенно в части соотношения международного и национального права, предопределяемая не только потребностями теории, но и насущной практики российского конституционализма. В научно-обоснованном ответе нуждается вопрос, имеет ли место реальная коллизия между нормами российской Конституции и нормами международного права, или эта коллизия формируется актами Европейского суда по правам человека.

Автор, коль скоро речь идет о Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., исходит из того, что коллизии между нормами Конституции России и указанной конвенцией отсутствуют или носят мнимый характер; однако коллизии между нормами Конституции и интерпретирующими указанную Конвенцию актами ЕСПЧ вполне реальны и несут в себе угрозу верховенству Конституции Российской Федерации и ее высшей юридической силе, прямому действию и стабильности

конституционного регулирования.

Особенно острый характер при этом приобретает вопрос о сущности и перспективах разрешения коллизий между конституционными ценностями Российского государства, являющимися отражением цивилизационно-культурной фундаментальности России, и ценностями западного мира, являющимися порождением средиземноморской цивилизации. Этим в свою очередь актуализируется проблема соотношения Конституции и общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в контексте принципа верховенства права и юридической силы соответствующих правоположений.

Несомненное значение для развития теории и практики российского конституционализма в части формирования механизма разрешения указанных коллизий имеет обращение к проблематике реализации конституционных положений о признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 Конституции Российской Федерации). Столь же значимы выявление субсидиарной природы деятельности межгосударственных органов по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46), адекватная характеристика конституционных положений о равноправии и самоопределении народов (ч. 3 ст. 5), гарантирование прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69 Конституции Российской Федерации) и т.п.

Изложенное предопределяет актуальность диссертационного сочинения и круг исследуемых вопросов.

Степень научной разработанности темы и цель исследования

Конституционно-правовой механизм разрешения коллизий актов ЕСПЧ и Конституции Российской Федерации не был еще предметом диссертационного исследования, однако сама теория коллизий в конституционном праве и отраслевых юридических науках не относится к числу обойденных вниманием

науки. В частности, изучению природы и сущности правовых коллизий на современном этапе развития Российского государства, а также механизмам их преодоления посвятили свои труды С.С. Алексеев, А.В. Асосков, М.А. Ахрименко, С.В. Будылин, Н.А. Гущина, М.С. Глухоедов, С.А. Грачева (Перчаткина), П.В. Донцов, А.С. Изварина, М.А. Занина, М.В. Лушникова, О.В. Муратова, Б.И. Осминин, И.А. Стародубцева, Л.Р. Симонишвили, Ю.А. Тихомиров, Е.А. Шершнева, Е.С. Шматова и др.

Проблематика соотношения российских конституционных ценностей и ценностей международного правопорядка получила освещение в исследованиях П.А. Астафичева, П.Д. Баренбойма, Н.М. Бевеликовой, С.А. Белова, П.Р. Магомедовой, А.Н. Медушевского, А.Г. Кузьмина, И.В. Рачкова, В.Б. Рыжова, Н.А. Савченко, Г. Хольцингера, Т.Э. Шуберта и др.

Опираясь на эти работы и учитывая уровень доктринальной разработки проблемы коллизий в общей теории права и отраслевых юридических науках, диссертант видел **цель исследования** в концептуальной разработке механизма преодоления (минимизации) коллизий норм российского конституционного права и норм международного и особенно европейского права.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- определить современные научные проблемы коллизий национального конституционного правопорядка и международного права;
- выявить специфику коллизий в конституционном праве Российской Федерации;
- определить основные направления преодоления (минимизации) коллизий в практике российского конституционализма и обосновать участие в этом процессе субъектов Российской Федерации;
- выявить некоторые тенденции трансформации позиций Европейского Суда по правам человека, чреватые углублением коллизий между его актами и конституционным правопорядком России;
- определить способы минимизации конституционных коллизий между актами Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам

человека и обосновать конституционно-правовой механизм их разрешения в Российской Федерации.

Объектом диссертационного исследования является совокупность конституционно-правовых отношений, складывающихся в сфере формирования коллизий между нормами Конституции Российской Федерации и международного права, конституционными ценностями России и ряда иных сочленов международного сообщества.

Предметом диссертационного исследования являются нормы Конституции Российской Федерации, формирующие в их системной связи с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, механизм преодоления (минимизации) коллизий конституционного правопорядка и актов международных органов по защите прав человека, а также соответствующие международные договоры и иные официальные документы, законодательство Российской Федерации, соответствующая судебная практика.

Нормативную основу диссертационного исследования составили:

- Конституция Российской Федерации 1993 г. и Федеральный конституционный закон "О конституционном Суде Российской Федерации", иные федеральные законы, прежде всего Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» и др. нормативные правовые акты Российской Федерации;

- международные нормативные правовые акты и документы, в том числе Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.;

- акты Конституционного Суда Российской Федерации;

- акты Верховного Суда Российской Федерации;

- акты Европейского Суда по правам человека и т.д.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили материалы обобщения правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации (более 20 правовых позиций за период с 2002 по 2017

г.), Европейского Суда по правам человека (более 30 актов за период с 2008 по 2017 г.), результаты изучения более 60 дел, связанных с разрешением коллизий между Конституцией Российской Федерации и международным правом, а также между правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека.

Теоретической основой диссертационного исследования стали труды ученых, внесших значительный вклад в развитие теории конституционализма, способствовавших своими научными изысканиями оптимизации процесса применения общепризнанных принципов и норм международного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации. В их числе такие авторы, как С.А. Авакьян, К.В. Арановский, М.В. Баглай, Н.А. Боброва, Н.С. Бондарь, Н.В. Витрук, Н.А. Власенко, Г.А. Гаджиев, Н.М. Добрынин, В.Д. Зорькин, В.В. Ершов, В.О. Лучин, В.М. Лебедев, В.Т. Кабышев, А.А. Клишас, С.Д. Князев, А.Н. Кокотов, В.В. Комарова, Г.Н. Комкова, М.А. Краснов, В.И. Крусс, О.Е. Кутафин, В.А. Лебедев, О.В. Мартышин, Н.М. Марченко, С.В. Нарутто, С.Э. Несмеянова, Т.М. Пряхина, Р.А. Ромашов, В.Е. Сафонов, И.А. Умнова, Т.Я. Хабриева, Н.Е. Хазов, Н.М. Чепурнова, В.Е. Чиркин, С.М. Шахрай, Е.С. Шугрина, Б.С. Эбзеев и др.

Методологическую основу диссертационной работы составляют общенаучные (обобщение, сравнение, анализ и синтез) и частно-научные (историко-правовой и сравнительно-правовой анализ документов, правовое моделирование, экспертный опрос) методы научного познания.

Научная новизна исследования:

- определены сущность и формы современного конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией Российской Федерации и актами ЕСПЧ;
- сформулированы теоретические положения, касающиеся повышения потенциала конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией Российской Федерации и актами наднациональных судов;

- обоснованы практические предложения о совершенствовании конституционно-правового механизма противодействия попыткам посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации путем вынесения ЕСПЧ актов, противоречащих Конституции Российской Федерации;

- обоснован вывод о том, что практика реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека не в полной мере соответствует нормативным критериям, установленным в ст. 79 Конституции Российской Федерации;

- сформулированы предложения по использованию доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в практике судебной защиты конституционных ценностей Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Авторское понимание конституционно-правового механизма разрешения противоречий актов Европейского суда по правам человека Конституции Российской Федерации как комплексного конституционно-правового явления, включающего исходные ценностные установки, систему правовых норм, а также цели и содержание организационно-правовой деятельности уполномоченных субъектов, которые в установленных законом формах участвуют в преодолении указанных противоречий. Этот механизм предусмотрен либо непосредственно в Конституции и конкретизирующих ее актах, либо в интерпретирующих Основной Закон актах Конституционного Суда Российской Федерации.

Он состоит из взаимосвязанных элементов, отношений и процессов, образующих его системно-структурные и функциональные составляющие. В частности, защищаемая автором общая концепция механизма разрешения коллизий актов ЕСПЧ Конституции Российской Федерации образует целостную систему элементов, функционально ориентированных на обеспечение государственной идентичности Российской Федерации, выступающей в качестве главной ценностной установки:

– соответственно, *фундаментальным основанием* механизма разрешения

коллизий между актами ЕСПЧ и положениями Конституции Российской Федерации является суверенитет Российского государства, воплощенный в верховенстве Конституции Российской Федерации и ее высшей юридической силе;

– *нормативное содержание* данного механизма составляют основы конституционного строя и конкретизирующие их положения, содержащиеся в ст.ст. 15, 17, 46, 79, 85, 125, 126 и др. Конституции Российской Федерации;

– его *организационную основу* образует Конституционный Суд Российской Федерации, а также иные конституционные органы публичной власти, функционально ориентированные на поддержание верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации;

– *субъектами защиты* являются федеральные органы законодательной и исполнительной власти, Верховный Суд Российской Федерации и нижестоящие по отношению к нему суды и иные субъекты, способные либо самостоятельно, либо опосредованно инициировать рассмотрение дела о проверке соответствия решения ЕСПЧ Конституции Российской Федерации;

– *объектом защиты* являются конституционные ценности России, ядро которых составляют суверенная государственная бытийность Российской Федерации и основы конституционного строя России, в том числе суверенитет многонационального народа России и права человека, высшая юридическая сила Конституции как основа национального правопорядка и др.;

– *процессуальные основы* данного механизма установлены ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации".

2. Указывая на суверенитет Российского государства в качестве фундаментального основания конституционно-правового механизма разрешения коллизий актов международных органов по защите прав человека и Конституции Российской Федерации, автор критически анализирует попытки реанимации в отечественной юриспруденции теории делимости государственного суверенитета, которая конституционно возрождена в Западной Европе, но никаким образом не воспринята действующей

Конституцией Российской Федерации. Неделимость суверенитета Российской Федерации в равной мере составляет основу внутрифедеративных отношений в Российской Федерации и ее взаимоотношений с иными сочленами международного сообщества.

3. Традиционное для отечественной юриспруденции понимание коллизии в праве (от лат. *collisio* – "столкновение"), как разногласия или противоречия между нормативно-правовыми актами, регулируемыми одни и те же или смежные отношения, а также между компетенцией органов власти применительно к взаимодействию Конституции Российской Федерации и актами международного права обладает более сложной природой. Формально-юридическое отсутствие противоречия конституционных норм и норм международного права в их интерпретации международными, особенно правозащитными органами, все чаще сопровождается коллизией национальных ценностных ориентиров, проистекающих из цивилизационно-культурной фундаментальности России. В свою очередь, наблюдаемое в последние годы увеличение количества подобного рода ситуаций актуализирует осмысление современным российским конституционализмом не только формально-юридических коллизий норм международного права и норм национального права, но и коллизий, социокультурно обусловленных конституционными ценностями России, с одной стороны, и конституционными ценностями ее контрагентов в международных отношениях – с другой.

4. Конституционные ценности, представляющие социальные и правовые приоритеты России, образуют системное единство; в их числе – суверенная государственная бытийность многонационального народа Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, верховенство права, плюралистическая демократия и др. Феномен конституционных ценностей России представлен как национальное достояние, незыблемость которого фиксируется в Конституции Российской Федерации и интерпретирующих ее актах Конституционного Суда; вне учета ценностного аспекта Конституции превенция коллизий между национальным правопорядком и актами

международного права или их преодоление невозможны без ущерба цивилизационной идентичности России и умаления ее суверенитета. В связи с этим особенно значимо непосредственное применение российской Конституции в соответствии с установленными ею ценностно-телеологическими установками. В данном контексте не исключается уточнение Верховным Судом Российской Федерации отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. № 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов международного права и международных договоров Российской Федерации".

5. Коллизии конституционного правопорядка России и актов ЕСПЧ причинно обусловлены различными факторами объективного (различия социокультурной доминанты, сложившейся в процессе развития российской и средиземноморской цивилизаций) и субъективного (толкование ЕСПЧ Европейской конвенции 1950 г., выходящее за рамки Конвенции, откровенное игнорирование Конституции Российской Федерации, попытки ЕСПЧ присвоить полномочия по контролю актов Конституционного Суда России и т.п.) характера.

Особо подчеркивается, что актуализация коллизий между нормами Конституции Российской Федерации и актами Европейского Суда по правам человека во многом является результатом игнорирования Судом суверенного права Российского государства на защиту конституционных ценностей России в рамках ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Реализация конституционных положений, в том числе о признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 Конституции Российской Федерации), о праве граждан и иных лиц, находящихся под юрисдикцией Российского государства, в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации) в известном смысле становится проблематичной в результате искусственно сформированной

коллизии между внеправовым с точки зрения международного права ("санкционным") режимом в отношении Российского государства и конституционным принципом суверенитета Российской Федерации.

6. Данное обстоятельство в том числе потребовало расширение полномочий Конституционного Суда Российской Федерации и учреждение нового вида конституционно-судебной юрисдикции – о соответствии актов Европейского Суда по правам человека Конституции Российской Федерации (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П, особенно в части реализации положений ст. 79 Конституции Российской Федерации о передаче Россией части своих полномочий международным органам, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации, а также ФКЗ от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ "О внесении дополнений в ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Тем самым конституционный судебный контроль распространен на ту сферу публичных отношений, которая вопреки требованию принципа правового государства находилась вне такого контроля.

7. Федеративной природой Российского государства и участием субъектов Федерации в установленных Конституцией и федеральными законами пределах в международных отношениях обусловлено обращение к проблеме разрешения потенциально возможных в процессе таких отношений коллизий. Основываясь на федеральной Конституции и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, автор сформулировал ряд императивных конституционных велений к формированию инструментария коллизионного права в обсуждаемой в диссертации части: *учреждение* механизма разрешения коллизий договорной практики субъектов Федерации федеральной Конституции входит в полномочия Российской Федерации, причем в самом таком учреждении в установленных пределах и формах участвуют субъекты Федерации; этот механизм должен предусматривать участие субъектов Федерации в *разрешении* возникших коллизий;

существенная роль в разрешении коллизий принадлежит главе государства, который вправе для их разрешения использовать "согласительные процедуры"; окончательное разрешение коллизий относится к ведению федеральных судов; масштабом и критерием разрешения коллизий являются только и исключительно Конституция Российской Федерации и федеральные законы, международные обязательства России, а также конституционные и признаваемые Российской Федерацией международные стандарты прав человека и гражданина; учредительные акты субъектов Федерации в процессе разрешения коллизий могут и должны играть существенную вспомогательную роль для выявления причин возникновения коллизий и обстоятельств их развития; решение федерального суда, которым разрешена коллизия, если этим решением установлено противоречие учредительного акта субъекта Федерации Конституции Российской Федерации, является безусловным основанием для незамедлительного приведения учредительного акта субъекта в соответствие с федеральным Основным законом.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что разработанные положения развивают теорию конституционного права в части формирования механизма и конституционно-правовой процедуры предотвращения, выявления и разрешения коллизий между конституционным правопорядком России и актами международного права.

Практическая значимость работы состоит в разработке предложений по разрешению проблемы преодоления (минимизации) коллизий национальных и международных норм, ценностей и интересов, комплексном исследовании деятельности международных союзов, направленных на совершенствование соответствующего конституционно-правового регулирования, а также повышении уровня преподавания специальных курсов «Теория конституционных коллизий», «Коллизии в правовых позициях наднациональных судебных инстанций», написания учебников, учебных пособий для студентов, аспирантов, пособий для судей, в научно-исследовательской работе.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и рекомендации представленной работы получили апробацию в выступлениях на международных и общероссийских научно-практических конференциях. Основные результаты диссертации содержатся в научных публикациях автора.

Структура диссертации обусловлена проблематикой и логикой научного исследования, а также целью и задачами, направленными на раскрытие темы. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка нормативных правовых актов и научной литературы.

II. Основное содержание диссертационной работы

Первая глава диссертационного исследования – **«Конституционализм в контексте проблем коллизий национального и международного права»** – посвящена научной характеристике сущности и специфики коллизий в конституционном праве, а также изучению новых тенденций и коллизий в сфере соотношения «международного договора» и «закона».

В первом параграфе – **«Современный конституционализм: актуальные научные подходы к содержанию и задачам (на примере коллизионной проблематики)»** – исследуются конституционно-правовые коллизии как реальные противоречия между правовыми положениями различных правовых систем.

Для глобализирующегося мира в его правовом развитии характерны два взаимосвязанных встречных процесса: интернационализация внутригосударственного регулирования, особенно в гуманитарной сфере, а также в сферах торговли, транспорта, охраны природы и т.д., и вполне отчетливо проявляющаяся тенденция конституционализации международных отношений. Последняя отражает процессы становления наряду с национальным также транснационального (регионального, континентального и даже глобального) конституционализма; противоречивость самого процесса с неизбежностью порождает противоречивость его результатов, что требует научного осмысления и должного регулирования.

Особенность авторского видения проблемы заключается в так называемом «широком понимании» конституционализма в исследуемой части, включая в его содержание не только конкуренцию формы актов, но и коллизии между системой конституционных ценностей, интересов, догм и т.п., следовательно, широкого понимания самой юридической коллизии не только как противоречия в словесной форме выражения актов, но и конкуренции конституционных ценностей как отражения цивилизационно-культурной фундаментальности России, и ценностей, выработанных историческим развитием Западной Европы.

Существенное внимание уделено аргументации зарубежных ученых, представителей органов власти в обоснование конфликта между «западными» и «восточными» ценностями, действительно имеющего место, а главное – критике стремления подвигнуть Россию на отказ от собственной идентичности и принятие тех ценностей, которые нередко кардинально отличаются от российских либо противоречат основам конституционного строя Российской Федерации. Речь идет о противоречиях в системе «ценностных координат», которые объективируются, с одной стороны, в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, с другой, – в актах Европейского Суда по правам человека. В качестве примера, причем не самого яркого, можно сослаться на принципиальные различия в подходах, которые обнаружились между позициями Конституционного Суда и ЕСПЧ в оценке роли женщины и мужчины в воспитании детей. Правосудие России отстаивает традиционный подход к распределению социальных ролей (ссылаясь, в том числе на защиту материнства в российской Конституции) и тем самым защищает ценностные ориентиры российского конституционализма, которые ЕСПЧ пытается представить как «гендерные предрассудки».

При этом с формально-юридической точки зрения коллизия норм российского права и акта международного права может отсутствовать. Но имеет место более сложная с позиций конституционно-правового анализа коллизия ценностных и национально значимых ориентиров. Смысл конституционной максимы может быть выражен следующим образом:

Европейский Суд по правам человека не может умалять отечественные конституционные ценности, в том числе суверенную государственную бытийность России, верховенство права, выраженные в Конституции Российской Федерации, отечественную социокультурную традицию, которые в тексте Конституции охарактеризованы как "национальное достояние", "память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость" и пр.

Именно по этому пути развивается конституционно-правовой механизм разрешения коллизий между отечественным конституционным правопорядком и актами международного права; российское правосудие должно защищать не абстрактные ценности и не западноевропейскую идентичность, а отечественную социокультурную и правовую идентичность, как она выражена в Конституции Российской Федерации (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П).

Отсюда следует несколько выводов, имеющих методологическое значение: коллизии национального и международного правопорядка объективно обусловлены и неизбежны; критериальное значение в их оценке имеет цивилизационно-культурная фундаментальность России; масштабы такого преодоления обусловлены Конституцией Российской Федерации, причем не только текстом, но и явно или имплицитно указанными в ней ценностями и ориентирами; ядром этих ценностей и критериальных ориентиров являются основы конституционного строя, в которых аккумулированы подлежащие защите ценности.

Во *втором параграфе* – **«Сущность и специфика актуальных коллизий в конституционном праве»** – в развитие отстаиваемой в предыдущей части исследования позиции обосновывается суждение, что в современных исторических условиях коллизийная проблематика, обретшая более глубокое наполнение, становится более актуальной для теории и практики российского конституционализма: в настоящее время речь можно и нужно вести не только о коллизии юридической формы и даже «правовых ценностей» и «правовых

установок»; нарастает коллизия в самом понимании международного права и его взаимодействия с национальным конституционным правопорядком.

Существенное внимание уделено доказательству, что современное международное право не допускает посягательств на принцип суверенного равенства государств. В действительности практика международных отношений все более смещается в пользу "права сильного". Даже термин «давление» широко используется в международных документах применительно к России (Резолюция Европейского парламента № 2014/2699(RSP) от 17 апреля 2014 г.).

Несомненно, что восприятие Россией ряда традиционных для Западной Европы стандартов организации государственной бытийности в их сочетании и взаимосвязи с отечественной государственно-правовой традицией привнесло существенные новации в представления политико-юридической мысли о суверенитете. При этом, однако, ни под каким видом под сомнение не ставится юридический догмат воли народа, которой определяются фундаментальные основы конституционного правопорядка. неделимостью его суверенитета, как подчеркивается в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2000 г., предопределяется неделимость суверенитета Российского государства как формы организации политико-юридического бытия нашего народа.

Автор вслед за некоторыми иными исследованиями отмечает, что теория делимости суверенитета в истории конституционализма выставлялась дважды. И оба раза с политическими целями. В эпоху Великой французской революции она использовалась в борьбе с абсолютизмом для обоснования ограничения власти монарха и создания «идеального государства», в основе которого – разделение властей, каждая из которых сама является суверенной.

Второй раз эта теория служила обоснованию конструкции союзного государства – создания в 1871 г. вокруг королевства Пруссии федеративного государства Германской империи из ряда независимых государств с немецким населением. В известной мере она была воспринята и отечественной

конституционной практикой на советском этапе ее развития и получила отражение в конституциях СССР 1924 и 1936 годов.

Представляется, что данная теория, как и основывавшаяся на ней конституционная практика, базировались на смешении понятий государственной власти и суверенитета и отождествлении суверенности государственной власти с представлениями о суверенитете государственного органа. В действительности делится не суверенитет; рациональная организация государства и власти обуславливают разграничение предметов ведения и полномочий различных звеньев единой публичной власти. Конституционное совещание 1993 года учло это обстоятельство, принимая проект действующей Конституции России.

В настоящее время теория делимости суверенитета оказывается вновь востребованной Западной Европой, и вновь с политическими целями, в частности, в связи с процессами европейской интеграции. В данном контексте реанимация теории делимости суверенитета в государствах, связанных тесными узами, имеет под собой вполне очевидное для всякого наблюдателя основание и считается вполне оправданной, даже если она противоречит строгой юридической логике. Глубоко правы те юристы, которые считают, что это не может служить аргументом в ее пользу в отечественной юридической науке или конституционно-правовой практике.

Участие России в формировании европейского международного гуманитарного консенсуса не влечет отказа от государственного суверенитета либо его ограничения. Вовсе не случайно в статье 79 Конституции особо оговорено, что участие России в межгосударственных объединениях и передача им части своих полномочий возможны лишь при условии, если это не противоречит основам конституционного строя.

Отношения России с иными государствами и их объединениями покоятся на суверенном равенстве и сотрудничестве, но не их соподчинении. Такое общение образует не *«государство государств»*, а *«сообщество государств»*. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал на это

внимание, в том числе при рассмотрении им вопросов, возникающих в связи с исполнением постановлений ЕСПЧ (в том числе в постановлениях от 26 февраля 2010 г. № 4-П, от 6 декабря 2013 г. № 27-П). Именно в этих актах Суд сформулировал универсальные правовые позиции относительно порядка пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам постановлений национальных судов, вступивших в законную силу, в рамках гражданского судопроизводства. Во многом аналогичная практика существует и в ряде зарубежных стран. Так, например, согласно сложившейся судебной практике в Канаде права и привилегии, которые были внесены одной из сторон международного договора, приводятся в исполнение судами только тогда, когда этот договор введен в действие или утвержден законодательством Канады.

Согласно действующей Конституции России, Конвенция 1950 г. обладает в отечественной правовой системе статусом федерального закона. Она не имеет общего примата над национальным правом, хотя в силу прямого указания Конституции обладает приоритетом *в применении* в случае обнаружившейся коллизии с федеральным законом. Отсюда, в частности, вытекает, что Конвенция для России непосредственно не является масштабom конституционно-судебной проверки или критерием конституционности того или иного акта.

Важно подчеркнуть, что круг гражданских и политических прав, гарантируемых Конституцией России, соответствует Европейской конвенции. Отсюда, во-первых, следует вывод о согласованности каталога гражданских и политических прав и свобод, предусмотренных Конституцией, с установленными Конвенцией стандартами, во-вторых, Конституция предопределяет место и роль правосудия в национальном правовом порядке: именно оно является главной гарантией прав человека и способом обеспечения их непосредственного действия.

Этим обусловлена и тенденция к возрастанию роли суда в упрочении взаимодействия между национальной и международной правовыми системами,

в обеспечении все более активного вхождения России в международное правовое пространство, в том числе, в правовое поле Европы. В частности, международно-правовая аргументация используется российскими судами тройным образом: в качестве дополнительного довода в пользу своих правовых позиций, вырабатываемых на основе Конституции; для разъяснения смысла и значения конституционного текста; для выявления конституционно-правового смысла проверяемого закона или его нормы, то есть конституционного истолкования закона и его применения в соответствии с таким истолкованием. В этом последнем случае речь часто идет о проверке адекватности международно-правовым обязательствам России конкретизации законодателем механизма реализации прав человека, включая устанавливаемые им запреты и ограничения.

Высшие суды тем самым не только реализуют конституционное положение об общепризнанных международно-правовых принципах и договорных нормах как интегральной части российской правовой системы, но и утверждают признаваемые и разделяемые Россией принципы и нормы международного права в качестве важного критерия, которому должны соответствовать законодательство и практика правоприменения.

Как раз в связи с этим и идет речь о так называемых европейских гуманитарных стандартах. В данном аспекте эти стандарты означают нормы Конвенции 1950 г. (перечень прав и свобод; обязательства государств-участников по их признанию и обеспечению; нормативное содержание, то есть состав правомочий; условия пользования, включая допустимые ограничения и запреты; механизм судебной защиты) и их интерпретацию решениями ЕСПЧ, имеющими прецедентный характер, и в силу этого общеобязательное для всех участников этого договора значение. Законодатель России и отечественная судебная система, опираясь на эти стандарты, вносят существенный вклад в гомогенизацию гуманитарной составляющей российского права как той части единого европейского правового поля, которое основано на Конвенции 1950 г.

Но как бы странно это не звучало, такое единство ставится под сомнение решениями самого ЕСПЧ. Авторы Конвенции ориентировались прежде всего на те государства, которые изначально подписывали этот акт. Отсюда указание на «общее наследие» государств-участников, которое само по себе не является застывшей системой идей и принципов. Но ряд государств, присоединившихся к ней позднее, едва ли могут рассматривать себя в качестве «наследников первой очереди».

И проблема не только в том, что европейский консенсус как единая система защиты прав человека, которая предполагает одинаковый уровень защиты во всех государствах-участниках Конвенции, складывался постепенно и поэтапно, хотя и это немаловажно. Во многом различны представления народов, выросших в лоне различных цивилизаций, о естественном праве. Безусловного уважения ЕСПЧ требуют к себе и национальные конституционные традиции участников Конвенции, отражающие их социокультурные особенности. Особенно, когда речь идет о государствах, не ориентированных на создание «государства государств» и формирование единого европейского конституционного правопорядка.

В данном контексте особенно показательным решением ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчуглов и Гладков против Российской Федерации», которым был сделан вывод о нарушении положений статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции в связи с отсутствием у заявителей, находящихся в местах лишения свободы, активного избирательного права. Между тем норма, устанавливающая запрет гражданам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда, избирать и быть избранными, предусмотрена статьей 32 Конституции России. Ему предшествовал ряд иных решений ЕСПЧ, в которых Суд, полагая, что он действует «в своем праве», попытался опрокинуть выработанные Конституционным Судом России правовые позиции, и тем самым поставить под сомнение легитимность действующего Основного закона.

В *третьем параграфе* – **«Соотношение «международного договора» и «закона»: новые тенденции и коллизии»** – охарактеризован ряд актуальных

тенденций в указанной сфере, в том числе связанных с конституционализацией международных отношений. Так, обосновывается актуальность и справедливость позиции, согласно которой Конституция России в ее современном понимании представляет собой синтез оригинального конституционного текста и того объема международно-правовых стандартов, который в ней признается действующим наравне с конституционными нормами. Таким образом, «конституционализация» международного права может рассматриваться и как процесс комплексного применения источников национального и наднационального права.

Можно констатировать и наличие тенденций, которые условно характеризуются как «тенденции разочарования» в международном праве; они прослеживаются в публикациях многих исследователей, в выступлениях представителей Российского государства.

В этом контексте одна из основных задач современного российского конституционализма связана с минимизацией негативных последствий «нагнетания» коллизий международного и национального права, являющегося во многом результатом посягательства "партнеров" России на национальные интересы нашей страны. Ориентиром в этом непростом процессе является Конституция Российской Федерации, которая устанавливает непреложное правило: цель права, задача власти – обеспечение интересов народа, и любой принцип или норма, даже носящие характер «международных», должны этому соответствовать.

Конституция России, принятая в эпоху крушения биполярной системы, открыла внутренний правопорядок для норм международного права. В данном контексте вполне определена ориентация России на равноправное участие страны в региональных, континентальных и планетарных интеграционных процессах.

Однако в настоящее время очевидно, что реализация ряда конституционных положений, в том числе о признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и

нормам международного права, о праве в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, ставится под угрозу в связи с небезуспешными попытками ряда государств сформировать коллизию между европейским правом и конституционным принципом суверенитета Российского государства.

Этим не ставится под сомнение ни участие России в Европейской конвенции, ни право граждан России обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Россия против юридической автаркии. Но несомненно, что формирование европейского гуманитарного консенсуса с учетом конституционного плюрализма, продиктованного социокультурными особенностями народов Европы, требует дополнительной легитимации. На это обращают внимание также органы конституционного правосудия Италии, Испании, ФРГ, парламент Великобритании и др.

Вторая глава диссертационного исследования – ***«Основные направления преодоления (минимизации) коллизий в практике российского конституционализма»*** – содержит исследование проблемы разрешения «конституционных» коллизий наднациональными и национальными судебными инстанциями, попытку научной характеристики проблематики «антиколлизийной» деятельности международных союзов, а также участия субъектов федеративного государства в разрешении «конституционных» коллизий.

В *первом параграфе* – ***«Трансформация практики разрешения конституционных коллизий Европейским Судом по правам человека»*** – обосновано утверждение о том, что в настоящее время спорно относить к актуальным и обоснованным те доктринальные позиции, согласно которым Конституция уступает по юридической силе международным договорам, а

императивные нормы международного права способны преодолеть государственный суверенитет.

Из Основного закона России никаким образом не следует надконституционность международных договоров и даже общепризнанных принципов и норм международного права, которые в основном покрывают сферу межгосударственных отношений. Авторское понимание заключается в том, что эти принципы и нормы, выражающие универсальные ценности и соответствующие интересам всех народов, не являются чем-то внешним по отношению к Конституции, а в силу волеизъявления конституционного законодателя выступают частью российской конституционной системы. Данные принципы "вмонтированы" в ткань Конституции и составляют ее содержательную характеристику, а нормы Конституции, ориентирующие внешнюю политику государства или закрепляющие конкретные права и свободы человека и гражданина, должны толковаться и применяться согласно этим принципам и нормам и конкретизирующим их актам, и по общему правилу не могут вступать с ними в коллизии. Тем самым опосредуются основные тенденции мирового развития, предопределяемые глобализацией, и нормируется участие Российского государства в обусловливаемых ею интеграционных процессах.

Это в свою очередь действительно влечет "взаимозависимость и взаимную ответственность государств, не свойственных традиционному пониманию государственного суверенитета". Акцент при этом делается на том, что ценности, предопределяемые всеобщей человеческой природой, стали основанием, на котором зиждется не только конституционный, но и международный правопорядок. В его основе – права и свободы человека и гражданина, которые сегодня стали всеобщим критерием объективной характеристики права.

Отдельные государства (Нидерланды, Австрия) предоставляют Европейской конвенции приоритет перед своими конституциями; в значительном числе стран (Франция, Испания и пр.) она имеет более высокий

статус, чем обычные законы, но меньший, чем конституция; в других (Великобритания, Россия) – статус обычного закона. И это не случайно, поскольку ни Великобритания, ни Россия не ориентированы на членство в находящемся в процессе формирования западноевропейского "государства государств".

Разрешению коллизий между национальным и международным правом, включая нормы Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, казалось бы, должны в силу очевидных причин способствовать наднациональные судебные органы, в частности ЕСПЧ. В действительности эта функция выполняется не в полном объеме, либо не реализуют вовсе. К примеру, постулаты верховенства прав и свобод человека и гражданина в деятельности Европейского Суда по правам человека должны были бы способствовать «сглаживанию» объективных и субъективных противоречий в системе конституционного законодательства и основывающихся на нем конституционных концепциях, ценностях и т.п. Однако изучение актов, вынесенных Европейским Судом, позволяет констатировать "однобокость" его подхода к процессу формирования правовых позиций; анализ всех значимых обстоятельств рассматриваемого им дела, учет исторических условий принятия тех или иных законодательных и правоприменительных решений, влияния на общество социокультурной традиции, степени его секуляризации и пр. подменяется применением правовой традиции западноевропейских стран к существенно отличающимся реалиям иных стран. Этим во многом обусловлены коллизии между Конституцией России и нормами европейского права. Как раз этому способствовала попытка ЕСПЧ лишить Российское государство возможности применения ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации («права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»).

Во *втором параграфе* – **«Перспективы разрешения конституционных коллизий наднациональными судебными инстанциями»** – развивается тезис, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации должны единообразно применяться контрагентами независимо от различий в правовых системах, что следует как из текста Венской конвенции о праве международных договоров, так и из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, участницей которых является Российская Федерация. Автор согласен с тем, что отсутствие единообразного применения правовых норм судебными органами государства нарушает требование «правовой определенности», являющееся одним из основополагающих принципов Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Причем требование «правовой определенности» распространяется в отношении не только национального законодательства, но и норм международного права, ставших частью правовой системы государства.

Проблема состоит в том, как этого добиться. В качестве исходного начала анализа автор использует дело «Кудешкина (Kudeshkina) против Российской Федерации», рассмотренное Судом ранее и вновь ставшее актуальным в 2015 г. (так называемое «Дело Кудешкина (Kudeshkina) – 2»). В данном конкретном случае «баланс публичных интересов защиты судебной власти и частного права на свободу выражения мнения» объективируется в коллизию между конституционным правом Российской Федерации и международным правом на основе правовой позиции Европейского Суда по правам человека, поскольку Судом оказались проигнорированы принципы «лояльности работников по отношению к своим работодателям», необходимости «проявлять сдержанность и осмотрительность», которые тем более необходимы для лиц, занимающих высокую должность судьи.

Установлено, что в настоящее время увеличивается количество постановлений Европейского Суда по правам человека, которые искусственно создают коллизию между положениями российской Конституции и Конвенции 1950 г. в ее интерпретации Судом, поскольку Суд фактически выступает с не

имеющим под собой правовых оснований требованием изменить Конституцию Российской Федерации. Автор не считает выход из Конвенции 1950 г. конструктивным вариантом разрешения указанных коллизий. Они могут и должны быть преодолеваемы (минимизированы) в первую очередь на основе применения актуальных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о приоритете российской Конституции в отечественной правовой системе. При этом неприемлемы любые требования извне по ее изменению или толкованию вопреки велениям самой Конституции и российского народа.

По мнению диссертанта, перспективен диалог между высшими судами России и ЕСПЧ. В данной части работы также рассматриваются перспективы расширения способов защиты прав и свобод человека, в том числе на основе применения актов и правовых позиций иных наднациональных судебных инстанций (в частности, Суда Евразийского экономического сообщества). Высказывается предположение, что этот орган мог бы выполнять миссию разрешения коллизий между правом ЕАЭС и европейским или иным региональным правом, разумеется, при условии адаптации к этой процедуре учредительных актов указанных органов и общего согласия государств-участников.

В *третьем параграфе* – **«Коллизии в актах международных союзов: конституционно-правовые аспекты проблематики»** – обосновывается тезис, что отмеченный выше объективный характер глобализации современного мира с присущей этому процессу конституционализацией международных отношений отражает тенденцию к становлению наряду с национальным также транснационального (регионального, континентального и даже глобального) конституционализма.

Конституция 1993 г. открыла внутренний правопорядок для норм международного права. Именно в данном контексте автор рассматривает создание центров, объединяющих усилия государств в сфере региональной экономической интеграции, обладающих международной правосубъектностью,

а также формирующих единое экономическое пространство. Можно прогнозировать трансформацию некоторых объединений в федеративные государства. В частности, уже сегодня Европейский Союз можно квалифицировать в качестве находящегося в процессе становления "государство государств".

Отечественный конституционализм не должен оставаться в стороне от этих процессов, имея в виду, что успех таких объединений (автор имеет в виду Договор о Евразийском экономическом союзе) в огромной мере зависит от создания единых для всех участников нормативных стандартов, в том числе в гуманитарной сфере, которые, в свою очередь, нуждаются в надгосударственных органах правозащиты. При этом механизм преодоления правовых коллизий в рамках указанных объединений может существенно отличаться; содержание этого механизма зависит от того, насколько глубока интеграция участников, охватывает ли она только гуманитарную сферу, либо речь идет также о создании единого экономического пространства, единого пространства безопасности, единого пространства образования, науки, культуры, насколько близки социокультурные традиции народов государств-участников.

В *четвертом параграфе* – **«Участие субъектов федеративного государства в разрешении «конституционных коллизий»** – исследован вопрос о том, могут ли субъекты Российской Федерации принимать участие (и если могут, то в каком объеме) в изучаемом процессе разрешения наиболее принципиальных для теории и практики конституционализма коллизий (в случае реального расхождения норм конституционного и международного права). В практическом плане речь главным образом идет о соответствии договорной практики субъектов Российской Федерации, касающихся экономических отношений и отношений в сфере культурного сотрудничества, федеральной Конституции.

Принципиальное значение для решения поставленного вопроса имеет, во-первых, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации,

выраженная в Постановлении от 3 ноября 1997 года № 15-П, суть которой состоит в том, что если определенные вопросы отнесены Конституцией к совместному ведению Федерации и ее субъектов, то их решение не может находиться ни в исключительной компетенции Федерации, ни в исключительной компетенции ее субъектов. Во-вторых, согласно п. «п» ст. 71 Конституции федеральное коллизионное право находится в ведении Российской Федерации. Тем самым исключается наличие коллизионного права субъектов Федерации. В-третьих, ст. 85 Конституции, помещенная в гл. 4 и посвященная главным образом полномочиям Президента Российской Федерации, содержит положения о разрешении коллизий ("разногласий", "противоречий") между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, а также противоречий актов органов исполнительной власти субъектов Федерации, Основному закону Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения этими актами прав и свобод человека и гражданина.

Из этих положений следуют по меньшей мере следующие императивные конституционные веления к формированию инструментария коллизионного права в обсуждаемой в диссертации части: *учреждение* механизма разрешения коллизий договорной практики субъектов Федерации федеральной Конституции входит в полномочия Российской Федерации, причем в самом таком учреждении в установленных пределах и формах участвуют субъекты Федерации; этот механизм должен предусматривать участие субъектов Федерации в *разрешении* возникших коллизий; существенная роль в разрешении коллизий принадлежит главе государства, который вправе для их разрешения использовать "согласительные процедуры"; окончательное разрешение коллизий относится к ведению федеральных судов; масштабом и критерием разрешения коллизий являются только и исключительно Конституция Российской Федерации и федеральные законы, международные обязательства России, а также конституционные и признаваемые Российской

Федерацией международные стандарты прав человека и гражданина; учредительные акты субъектов Федерации в процессе разрешения коллизий могут и должны играть существенную вспомогательную роль для выявления причин возникновения коллизий и обстоятельств их развития; решение федерального суда, которым разрешена коллизия, если этим решением установлено противоречие учредительного акта субъекта Федерации Конституции Российской Федерации, является безусловным основанием для незамедлительного приведения учредительного акта субъекта в соответствие с федеральным Основным законом.

В **заключении** подводятся итоги, формулируются выводы и определяются перспективы дальнейшей разработки исследуемой тематики.

Основные положения и выводы диссертации опубликованы в следующих научных изданиях:

I. В научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Эбзеев, Т.З. К проблеме минимизации коллизий конституционных ценностей международных и национальных правовых норм / Т.З. Эбзеев // Юридический мир. 2017. № 2. С. 40-42, (0,25 п.л.).
2. Эбзеев, Т.З. О тенденциях развития конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией России и актами Европейского Суда по правам человека / Т.З. Эбзеев // Образование и право. 2017. № 1. С. 124-127, (0,35 п.л.).
3. Эбзеев, Т.З. К вопросу о конституционном механизме разрешения коллизий / Т.З. Эбзеев // Образование и право. 2017. № 1. С. 32-36, (0,45 п.л.).
4. Эбзеев, Т.З. О развитии конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией России и актами Европейского Суда по правам человека / Т.З. Эбзеев // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 120-121, (0,25 п.л.).

5. Эбзеев, Т.З. О роли позиций Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам человека в развитии российского конституционализма / Т.З. Эбзеев // Российское правосудие. № 5. 2017. С. 55-60, (0,75 п.л.).
6. Эбзеев, Т.З. Обеспечение конституционных принципов федерализма в решениях органов судебного конституционного контроля (на примере США) / Т. З. Эбзеев, В.Е.Сафонов, С.Г. Павликов // История государства и права., 2016. № 6. С.33-37., (0,75 п.л.).

II. В иных научных изданиях:

7. Эбзеев, Т.З. Судебная власть и ее реализация в Российской Федерации / Т.З. Эбзеев // Реформы 1864 г. в теории и практике российского конституционализма: история и современность (к 150-летию Земской и Судебной реформ 1864 г.). Материалы международной научно-практической конференции, 10-12 апреля 2014 г. Москва. РГУП, 2014.- С.209-215, (0,5 п.л.).